

Автор: Стивен Коэн

Ущерб, который Рашагейт нанес демократическим институтам Америки, в том числе институту президентства и избирательному процессу, а также внутренним и зарубежным представлениям об американской демократии еще не подсчитан. Не подсчитан и ущерб российско-американским отношениям в тот критический момент, когда обе стороны, модернизировав свой ядерный арсенал, встали на путь новой и более опасной гонки вооружений, о которой мало кто говорит.

Рациональные (хоть и политически наивные) обозреватели могли подумать, что когда Мюллер не нашел доказательств сговора между Трампом и путинским Кремлем, а нашел лишь «возможное препятствование правосудию» со стороны президента (сказанное Мюллером 29 мая в заявлении для прессы ни в коей мере не меняет эти выводы), Рашагейт постепенно начнет угасать и сойдет на нет. Если это так, то они сильно ошиблись. Придя в ярость от того, что Мюллер не освободил Белый дом от Трампа, организаторы Рашагейта, среди которых главное место занимают либеральные демократы и прогрессисты, с удвоенной энергией начали выдвигать свои непроверенные и ничем не подтвержденные доводы о сговоре, причем даже в некогда авторитетных средствах массовой информации. То ли из-за политических амбиций, то ли по причине пылкой веры, эти творцы Рашагейта продолжают увеличивать нанесенный ими ущерб. И конца этому не видно.

Один из вариантов покончить с Рашагейтом — это добросовестно изучить вопрос о том, как он на самом деле начался. Поскольку первые обвинения зазвучали публично почти три года назад в середине 2016 года, на сегодня существует как минимум три гипотетических объяснения.

1. Одно из самых традиционных и общепризнанных объяснений. В самом начале зоркие и бдительные представители разведслужб президента Обамы, прежде всего ЦРУ и ФБР, обнаружили очень подозрительные контакты между предвыборным штабом Трампа и «связанными с Кремлем» русскими (это может означать что угодно, поскольку в президентской администрации работают сотни людей). Это открытие вполне естественно привело к полномасштабному «контрразведывательному расследованию», которое началось в июле 2016 года. Надо сказать, что Мюллер нашел многочисленных иностранцев, которые связывались или пытались связаться со штабом Трампа. Проблема здесь в том, что Мюллер не говорит нам, а мы не знаем, есть ли что-то необычное в их количестве.

Очень многие иностранцы ищут «контакты» с американскими предвыборными штабами, и делают это на протяжении десятилетий. В данном случае нам неизвестно их количество, и мы не можем делать никаких сравнений с количеством иностранцев, контактировавших или пытавшихся контактировать в 2016 году (напрямую или через фонд Клинтонов) со штабом соперницы Трампа — госпожи Хиллари Клинтон. Если это количество примерно одинаково, тогда почему разведывательное сообщество не начало такое же «контрразведывательное расследование» в отношении штаба Клинтон?

Если читателю кажется, что это из-за русских, которые были среди круживших вокруг штаба Трампа иностранцев, то пусть он подумает вот о чем. В 1988 году, когда сенатор Гэри Харт (Gary Hart) был главным кандидатом на выдвижение от Демократической партии, он отправился в Россию, которая в то время была еще коммунистической и советской, налаживать контакты в рамках подготовки к своему несостоявшемуся президентству. Среди прочего, он встречался с советским лидером Михаилом Горбачевым. Американские СМИ освещали этот визит Харта в основном положительно. (Я тогда сопровождал сенатора Харта, и не помню, чтобы в американских СМИ были негативные отклики.)

2. Второе объяснение, которому в настоящее время по какой-то странной причине отдают предпочтение бестолковые комментаторы «Фокс Ньюс» и других СМИ из числа сторонников Трампа, состоит в том, что «путинский Кремль» закачал в американские СМИ антитрамповскую дезинформацию, в основном через так называемое досье Стила. Как я уже отмечал почти полтора года тому назад, в этом нет никакого фактического смысла и логики. Материалы досье никоим образом не указывают на то, что они были предоставлены высокопоставленными кремлевскими источниками, как утверждает Стил. Более того, если российский лидер Путин так благоволил к Трампу (в этом одна из главных посылок Рашагейта), то разве стали бы мелкие кремлевские сошки так рисковать, снабжая Стила «антитрамповской информацией»? Ведь они запросто могли навлечь на себя гнев президента! С другой стороны, есть немало свидетельств того, что «исследователи» в США (некоторым из них, как и Кристоферу Стилу, платил штаб Клинтон) снабжали его материалами своих исследований.

3. Третье возможное объяснение я бы назвал «Разведгейт». Я написал об этом в своей вышедшей недавно книге «Война с Россией? От Путина и Украины до Трампа и

Рашагейта» (War with Russia? From Putin and Ukraine to Trump and Russiagate).

Суть его в том, что американские спецслужбы провели целую операцию, чтобы навредить сначала кандидату, а затем и президенту Дональду Трампу, или даже свалить его. После этого появились новые доказательства «Разведгейта». Например, спецслужбы заявляют, что в апреле 2016 года они начали свое расследование из-за нескольких безобидных замечаний молодого, занимавшего очень скромное положение советника Трампа по внешней политике Джорджа Пападопулоса (George Papadopoulos). Среди друзей мало кому известного Пападопулоса неожиданно оказались влиятельные люди, с которыми он раньше не был знаком, скажем, Стефан Халпер (Stefan Halper), Джозеф Мифсуд (Joseph Mifsud), Александр Даунер (Alexander Downer) и женщина по имени Азра Турк (Azra Turk). Сейчас нам известно (а Пападопулосу тогда не было известно), что все они были связаны с американскими и/или с британскими и западноевропейскими спецслужбами.

Сейчас генеральный прокурор США Уильям Барр (William Barr) предлагает расследовать первопричины Рашагейта. Эту задачу он поставил специальному прокурору Джону Дарему (John Durham). Но решение о масштабах расследования и о том, чему в нем уделить основное внимание, будет принимать сам Барр. Важная новость заключается в том, что Барр намеревается расследовать роль не только ФБР, но и других спецслужб. Очевидно, это означает ЦРУ, когда его возглавлял Джон Бреннан, и тогдашнего партнера Бреннана Джеймса Клэппера, возглавлявшего тогда всю национальную разведку. Как я утверждал на страницах «Нейшн», крестным отцом Рашагейта был не горемычный директор ФБР Джеймс Коми, а Бреннан. Этот тезис нашел сейчас дополнительные подтверждения. Будем надеяться, что Барр не станет ничего исключать, в том числе и два важных материала из лживой концепции Рашагейта: досье Стила и оценку разведывательного сообщества от января 2017 года, которая столь же надуманна и велика по объему. (Не случайно оба материала были опубликованы практически одновременно, из-за чего Рашагейт превратился в навязчивый общенациональный скандал.)

Пока Барр очень осторожен в своих публичных заявлениях. Он признал, что за штабом Трампа «шпионили», то есть следили. Это могло быть вполне законно, но Барр наверняка знает, что произошедшее с Пападопулосом (а возможно, и с генералом Майклом Флинном) больше похоже на ловушку. Он знает и то, что расставлять такие ловушки — противозаконно. Нет сомнений, что Барр помнит и будет иметь в виду поразительное предостережение сенатора Чарльза Шумера избранному президенту Трампу, прозвучавшее в январе 2017 года: «Позвольте вам сказать: если встанете на пути разведывательного сообщества, они вас достанут». (Барр может спросить Шумера, что тот имел в виду, и почему он посчитал необходимым передать угрожающее послание от лица спецслужб.)

Но самой трудной задачей для Барра станет понять ту прискорбную роль, которую в Рашагейте сыграли ведущие средства массовой информации. Как написал автор журналистских расследований Ли Смит (Lee Smith), внесший в это дело немалый вклад, «пресса была составной частью этой операции, неотъемлемой частью. Все это было бы

невозможно... не объедини СМИ свои усилия со шпионами, копами и адвокатами, чтобы поведать историю, которую раскрутили агенты Клинтон». Но разве сможет Барр расследовать эту «неотъемлемую» причастность СМИ к разработке и пропаганде ложного Рашагейта, не посягая на свободу прессы?

В идеале медийный мейнстрим (причем как печать, так и телевидение) должен теперь рассказать о том, почему они позволили спецслужбам использовать их страницы и эфирное время для продвижения Рашагейта посредством утечек и сообщений анонимных источников, и по какой причине они так настойчиво уходили от хорошо информированных и беспристрастных альтернативных источников. Они почти в один голос негативно и даже враждебно писали и говорили о расследовании Барра, да и о Барре персонально. («Вашингтон Пост» дошла даже до того, что поделилась с читателями сомнительным наблюдением: «Уильям Барр похож на мерзкую жабу».) Это похоже на панику в рядах раздувших Рашагейт СМИ, которые боятся расследования Барра — ведь он обещает рассекретить связанные с этим делом документы. Страх настолько велик, что «Нью-Йорк Таймс» снова выкатила свой неправдоподобный миф о том, как публичное раскрытие информации поставит под угрозу мнимого осведомителя, кремлевского крота, который якобы работает под боком у Путина.

И наконец, самое важное. В чем истинная причина того, что американские спецслужбы начали операцию по дискредитации Трампа?

Может быть, что вполне вероятно, им очень не понравились его предвыборные разговоры о «сотрудничестве с Россией», означающие новую разрядку в российско-американских отношениях? Даже ярые противники Трампа из числа политиков и из СМИ захотят узнать, кто в Вашингтоне разрабатывает внешнюю политику. Следующей целью для спецслужб может стать кандидат или президент, либо внешняя политика, которой они отдают предпочтение.

Всем понятно, что ЦРУ не собирается останавливаться. В марте 2018 года его нынешний директор Джина Хаспел (Gina Haspel) нагло солгала президенту Трампу об инциденте в Британии, чтобы убедить его ужесточить меры против Москвы, что тот и сделал, пусть и неохотно. Некоторые средства массовой информации, не относящиеся к мейнстриму, рассказали, как реально обстояли дела. А «Нью-Йорк Таймс» в характерной для нее манере 17 апреля этого года напечатала свой материал на данную тему, не исправив ложь Хаспел.

Таким образом, мы столкнулись с парадоксальной ситуацией, которую 24 мая сформулировал в своем твите британский журналист Джон О'Салливан (John O'Sullivan): «Рашагейт — это первый американский скандал, в котором власть хочет открытой публикации фактов, а СМИ стремятся их скрыть».

Стивен Коэн — заслуженный профессор Принстонского и Нью-Йоркского университетов, занимающийся российскими исследованиями, историей и политикой, а также пишущий

редактор издания «Нейшн».

[source](#)